

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-111-122

УДК 94; 327; 323

ПЕТР ИСКЕНДЕРОВ

Балканские союзники России

Аннотация. В конце XIX — начале XX вв. балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, нередко действовали в противоречии с ее политикой, соперничая и конфликтуя друг с другом. Отношения с Петербургом осложнялись не только действиями геополитических конкурентов России, но и нестабильностью балканского внутривосточного контекста, сменами в настроениях и ориентациях балканских элит. Анализ успехов и неудач российской дипломатии того времени позволяет наметить направления действий России на Балканах в наше время. Одним из главных механизмов ее стратегии должна стать работа с широким спектром внутривосточных сил в балканских странах, не исключая оппозицию.

Ключевые слова: российская политика на Балканах, Россия и Балканы, международные отношения, балканские страны, дипломатия.

Рубежом в развитии отношений России с балканскими народами следует считать Великий восточный кризис 1875–1878 годов, конкретнее — подписанный по его завершении Берлинский трактат. Данный документ оформил международно-признанную независимость Сербии, Черногории и Румынии, достигнутую при активной — в том числе военной — поддержке со стороны России. Кроме того, были значительно расширены автономные права Болгарии, которая вскоре смогла, опираясь на положения Берлинского трактата и опять-таки на поддержку Санкт-Петербурга, решить основные вопросы своего национально-государственного строительства, провозгласив независимость в 1908 году. Отныне балканские народы стали выступать в качестве не только объектов, но и субъектов международных отношений. Это требовало от них постижения тех приемов и принципов, на которых базировалась политика великих держав в регионе. Последние же — и в том числе Россия — были теперь вынуждены принимать в расчет не только расстановку общеевропейских сил и положение в Османской империи (как это происходило на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий), но и аппетиты молодых балканских монархий, считавших обретение международно-признанной независимости лишь первым шагом на пути «собирания своих исконных земель». Причем эти земли толковались настолько расширительно, что немаленький Балканский полуостров даже чисто теоретически не мог удовлетворить одновременно чаяния болгар, сербов, греков, румын и черногорцев — и это не считая так же активно конституировавшихся в то время албанского и македонского этносов.

Сведения об авторе: Искендеров Петр Ахмедович — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук, iskenderov.petr@yandex.ru.

Неудивительно, что развитие отношений России с «новорожденными» балканскими государствами с 1880-х годов стало носить противоречивый и переменчивый характер. Первым после завершения Великого восточного кризиса крупным вооруженным конфликтом в регионе стала сербо-болгарская война 1885 года. В ней друг против друга выступили два народа, традиционно рассматривавшиеся российским общественным мнением и правящими кругами как опора России на Балканах. Внезапно вспыхнувший военный конфликт оказался столь неожиданным для российской дипломатии, что она даже не смогла выступить посредником при заключении мира. Эту роль взяла на себя Австро-Венгрия, министр иностранных дел которой Г.Кальноки успешно разыграл «русскую карту». Он убедил правителя Болгарии Александра Баттенберга в том, что продолжение успешного наступления на сербской территории «неизбежно вызовет революцию в Сербии, немедленную оккупацию этой страны Австро-Венгрией, последующее вторжение в Болгарию российских войск и смещение самого Баттенберга» [В «пороховом погребе Европы»... с.172.]. Подобная трактовка дальнейшего развития событий вызвала недоумение не только в Санкт-Петербурге, но и в Берлине, но главное было сделано: Сербия и Болгария заключили мир на принципе *status quo ante bellum*, подчеркнув, что «между Королевством Сербия и Княжеством Болгария устанавливается мир со дня подписания данного договора» [Цит. по: Skakun, s. 277].

Пагубные последствия этой войны ощущались в регионе вплоть до начала XX века, серьезно затрудняя развитие отношений России с Белградом и Софией и вынуждая Санкт-Петербург сделать ставку на сближение по балканским вопросам с Австро-Венгрией. Соответствующие соглашения, заключенные в период с 1897 по 1908 годы, вошли в историю под названием «Русско-австрийская Антанта» и были направлены на сохранение в регионе статус-кво [Сборник договоров... с. 303–308]. Однако односторонняя аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году, против которой резко выступили Россия и Сербия, сделала невозможным их возобновление.

Боснийский кризис 1908–1909 годов был разрешен мирным путем, однако привел к серьезному изменению расстановки сил на Балканах с точки зрения позиций и интересов России. Сербия стала рассматривать Австро-Венгрию в качестве непосредственной угрозы для своего существования и территориальной целостности, а Вена опасалась роста антиавстрийских выступлений в своих областях, населенных югославянскими народами. По этой причине сербское руководство окончательно перестало ориентироваться на Габсбургскую монархию, как она это делала в предшествующие десятилетия, — произошел переход к устойчивой и всесторонней ориентации на Россию. Как заявил в январе 1909 года в стенах Народной скупщины Сербии тогдашний сербский министр иностранных дел М. Милованович, «для всех поборников балканской свободы, для всех, кто сегодня выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип — «Балканы — балканским народам», — ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии» [Рад Народне... с. 311].

Неоднозначные изменения стали происходить во внешнеполитическом курсе Болгарии, в руководстве которой постоянно боролись влиятельные группировки, ориентировавшиеся на Россию и на Австро-Венгрию.

Агрессивный курс монархии Габсбургов на Балканах вкупе с нарастанием экономического и военно-политического кризиса в Османской империи послужили объективной основой как для сближения европейских стран между собой, так и для налаживания их взаимоотношений с Россией под лозунгом создания антитурецкого блока под эгидой Санкт-Петербурга. Ядром этого блока выступили Сербия и Болгария.

Проходившие при активном участии российской дипломатии переговоры о заключении Балканского союза под покровительством России с участием Сербии, Болгарии и Греции стали самой значимой попыткой трех государств региона того времени достичь своих военно-политических целей совместными усилиями, при этом в договоре закреплялось обязательство Сербии и Болгарии предоставить все спорные вопросы будущего разграничения на усмотрение российского императора. Это с одной стороны свидетельствовало о росте авторитета России, но с другой угрожало ей вовлечением в будущие сербо-болгарские политические споры и даже военные конфликты вокруг дележа «турецкого наследства». Ситуация осложнялась усилением на Балканах албанского фактора, который должны были учитывать Белград, София и Санкт-Петербург. Как подчеркивал российский поверенный в делах в Сербии В.Н. Штрандтман, проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно Императорскому Правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612].

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии, и дипломатическими усилиями государств Центрального блока во главе с Германией и Австро-Венгрией, — но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 году — в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 года. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского национального клуба [Историја српског народа... с. 165–166; Историја на македонскиот народ... с. 326–327].

Подобные контакты отвечали интересам Болгарии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии — и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания 1910 года [Први Балкански рат, с. 79, 83, 90].

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания-Македония-Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских

интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как уже планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия (ныне — Косово), но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить антитурецкий союз. В результате напряженных переговоров 13 марта 1912 года на свет появился сербо-болгарский договор о дружбе и союзе с секретным приложением, предусматривавшим совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии [Историја српског народа... с. 260]. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора [В «пороховом погребе Европы»... с.476]. В результате подписания аналогичных болгаро-греческих документов 29 мая 1912 года Балканский союз пополнился Афинами, а в сентябре 1912 года — Черногорией. Эти документы не только легли в основу действий союзников в первой Балканской войне, но и послужили основой для последующих все более ожесточенных дискуссий на предмет раздела турецкого наследства — которые в итоге летом 1913 года вылились не в российский арбитраж, а в новые кровопролитные сражения между недавними союзниками.

Российская сторона изо всех сил пыталась отвлечь балканских союзников от войны — но те, хотя на словах и выказывали преданность своей «исконной покровительнице», тем не менее, не скрывали своих истинных намерений. Как сообщал в августе 1912 года в Санкт-Петербург российский поверенный в делах в Афинах князь С.Л.Урусов, «болгарский посланник, г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и болгарское правительство, — правда, скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 607].

12 августа 1912 года российский дипломатический представитель в Софии А.В.Неклюдов имел разговор с главой болгарского правительства И.Гешовым, в ходе которого тот попросил собеседника «не скрывать от Императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов (Косовский, Скутарийский, Янинский и Битольский — П.И.). В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам» [АВПРИ. Фонд Политархив. Описание 482. Дело 2084. Лист .607]. А сербский посланник в Афинах в беседах с князем Урусовым подчеркивал, что «если защиты сербам от России не будет, то

им волей-неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуетиной Монархии» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592].

Воинственные настроения в балканских столицах обрекали на неудачу все попытки России и других великих держав удержать балканские страны от военных соблазнов. Как позднее вспоминал российский министр иностранных дел С.Д.Сазонов, «достигшие полного объединения в военном отношении, Балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным» [Сазонов, с. 80].

Здесь самое место отметить, что другие великие державы отдавали должное усилиям России по содействию выгодному для нее сближению государств балканского региона в столь противоречивой геополитической обстановке. Как указывал видный государственный деятель Австро-Венгрии и будущий министр иностранных дел Дьюла Андраши-младший, «триумфом политики России было то, что ей удалось создать под своим протекторатом Балканский союз — в первую очередь против Турции, во вторую, если понадобится, — против нас» [Цит. по: Могилевич, с. 104]. А орган венских правящих кругов газета «Нойе фрайе прессе» называла созданный под покровительством России Балканский союз «кинжалом, направленным в сердце Австро-Венгрии» [Neue Freie Presse].

В этой связи следует особо подчеркнуть, что, несмотря на исторически тесные связи России со славянскими народами Балканского полуострова, российская дипломатия отнюдь не формировала список своих действительных и потенциальных союзников в регионе исключительно по этнорелигиозному признаку. В частности, в 1910–1911 годах Сазонов в рамках своего «нового курса» выдвинул идею создания Всебалканского союза с участием Турции. Согласно его проекту, турецкая сторона должна была сохранять суверенный контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, но одновременно предоставить преимущественное право прохода через них российскому флоту и флотилиям дружественных ей причерноморских государств. Однако этот проект не был реализован в том числе вследствие жесткого противодействия тогдашней «владычицы морей» Великобритании.

Союзнические отношения между Россией и балканскими странами исторически осложнялись (и продолжают осложняться) не только действиями ее геополитических конкурентов, но и развитием ситуации у самих союзников. Не секрет, что «дипломатам, аккредитованным в балканских странах, приходилось (и поныне проходится — П.И.) также учитывать внутривнутриполитическую обстановку на Балканах. Балканские монархи часто меняли свою внешнеполитическую ориентацию, поддавались диктату великих держав, соперничали друг с другом. В 1912–1913 годах они объединились для борьбы с Турцией, после окончания войны начали междоусобную борьбу за раздел добычи»

[Писарев, с. 5]. Как справедливо подчеркивают не только российские, но и сербские исследователи, «балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, в то же время проявляли самостоятельность и даже нередко вступали в противоречия с последней. Без ее согласия они начали войну с Турцией, что подрывало самые основы «нового курса» Сазонова, нацеленного на создание Всебалканского союза. В Петербурге не были осведомлены о военной конвенции, заключенной Болгарией и Сербией в 1912 году» [Писарев, с. 9]. Болгарский кабинет И.Гешова и сербские правительства М.Миловановича и Н.Пашича тщательно скрывали от России данный документ [Ђорђевић, с. 127–143]. Кроме того, начало первой Балканской войны, отсчет которой ведется с объявления Черногорией войны Турции 8 октября 1912 года, означал нарушение балканскими союзниками целого ряда международных соглашений с участием России. В частности, под угрозу было поставлено выполнение русско-черногорской военной конвенции 1910 года, предусматривавшей оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления Цетинье ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство брало на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия Его Императорского Величества» [Историјски записи, с. 115]. Однако правительство черногорского короля Николы не провело никаких консультаций с Россией по поводу начала войны и даже не поставило в известность о своих намерениях российского военного агента подполковника Н.М.Потапова [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 7].

Но если конечные результаты первой Балканской войны, увенчавшейся убедительной победой союзников, объективно отвечали интересам России, то вторая (Межсоюзническая) Балканская война 1913 года, в которой Болгария выступила против остальных членов Балканского союза из-за дележа македонских земель, стала еще одним существенным дипломатическим поражением России на Балканах. Россия всячески пыталась убедить Белград и Софию решить свои противоречия дипломатическим путем, в том числе на основе верховного арбитража российского императора Николая II, прописанного в вышеуказанном болгаро-сербском союзном договоре 1912 года, и пыталась противодействовать складыванию антиболгарских блоков Сербия–Греция и Сербия–Румыния. Как указывал С.Д.Сазонов в телеграммах российским дипломатическим представителям в Белграде и Софии Н.Г.Гартвигу и А.В.Неклюдову, «стремясь сохранить самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не может утратить силы, а именно что любой спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции передается на решение России». Глава российского внешнеполитического ведомства подчеркнул необходимость «приложить все усилия к примирению Болгарии с Сербией» [В «пороховом погребе Европы», с. 497]. 8 июня 1913 года Николай II направил личные послания руководству Болгарии и Сербии, в которых еще раз призвал стороны «сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет бра-

тоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий» [Гешов, с. 57–58].

За день до подписания сербо-греческого договора об антиболгарском военном союзе — 14 мая 1913 года — Сазонов в своих посланиях российским представителям в Белграде и Афинах подчеркнул, что «сербское и греческое правительства ведут, по-видимому, уклончивую и опасную игру, заявляя нам о своих мирных намерениях и в то же время уклоняясь от прямых и определенных ответов на наши представления, деятельно готовясь к совместной борьбе с Болгарией» [Цит. по: Гешов, с. 60]. Гораздо более жестко, но в аналогичном ключе высказывался по поводу Межсоюзнической войны и ее последствий для интересов России и самих балканских народов большевистский орган «Рабочая правда»: «Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драм, состязание в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства и интриги, иудины поцелуи и иудины предательства — вот что предстоит Балканам»... [Рабочая правда]

Однако еще более сложным вызовом для российской политики на Балканах стала Первая мировая война. Место Сербии в пророссийском лагере изначально не вызывало сомнений. Сербский принц-регент Александр Карагеоргиевич 15 декабря 1914 года обнародовал приказ по сербской армии, содержащий следующие оптимистические строки: «Мы должны еще некоторое время выполнять нашу тяжелую обязанность и стоять за наших великих и могучих союзников, которые воюют за нас и повергнут нашего общего противника на его собственной территории. Тогда наступит мир, длительный мир. Он достойно вознаградит нас за все жертвы...» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 19]. К слову, понятно, что глагол «стоять» прозрачно намекал на «возможность неучастия сербских вооруженных сил в дальнейших совместных операциях» [Цит. по: За балканскими... с. 136].

Перспективы же участия в Первой мировой войне Болгарии оставались неопределенными вплоть до сентября 1915 года. Хотя статус побежденной стороны во второй Балканской войне объективно толкал Софию в объятия коалиции Центральных держав, симпатии к Антанте — отождествлявшейся в первую очередь с освободительницей-Россией — были сильны в болгарском общественном мнении, о чем свидетельствуют донесения российского посланника в Софии А.А.Савинского. 22 октября 1914 года дипломат сообщал Сазонову: «Ко мне по несколько раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев. Я указал Радославову (глава кабинета — П.И.), что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно, и что, таким образом, он ведет политику вразрез с общественным мнением. В ответ на мои замечания Радославов, фактически делавший против России всяческие гадости, утверждал 19-го, впрочем, как и ранее, что против нас никогда не пойдет и что он скоро докажет, что он — друг России» [Международные... с. 289]. Как говорится, комментарии излишни... Именно Васил Радославов, узнав 24 июля 1914 года о содержании австро-венгерского ультиматума Сербии, фактически означавшего объявление войны, воскликнул: «Это большое счастье для Болгарии» [Цит. по: Болгария ... с. 54].

Как вполне обоснованно сообщал в сентябре 1914 года из Софии германский военный атташе барон К. фон дер Гольц, мнение о том, что Болгария не должна вступать в войну, но обязана вернуть отторгнутую у нее Бухарестским мирным договором 1913 года Македонию, преобладало в стране. Впрочем, по мнению представителя Германии — не только в Болгарии: «Общий балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать» [Цит. по: Нотович, с. 238].

Однако, несмотря на агрессивную германофильскую и антисербскую пропаганду в болгарской печати, далеко не все болгарское общество мыслило категориями Радославова. Ряд партий — Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) Александра Стамболийского, Радикально-демократическая партия и «широкие» социалисты — выступали за соблюдение Болгарией строгого и последовательного нейтралитета, отрицая войну как средство решения болгарского национального вопроса. Стамболийский еще в дни общеполитического траура после поражения во второй Балканской войне выдвинул лозунг не возврата Македонии Болгарии, а ее автономии — что непосредственно перекликалось с идеями сербских социалистов о создании федерации балканских народов. Автономия Македонии, по его словам, явилась бы «самым справедливым решением Восточного вопроса... самым надежным средством умиротворения Балканского полуострова... самым необходимым условием для создания балканской федерации» [Цит. по: Болгария ... с. 55]. БЗНС выступал за сохранение Болгарией строгого нейтралитета. Стамболийский считал, что именно таким путем страна сможет впоследствии претендовать на земли в Македонии или Адрианополь — вне зависимости от того, какой лагерь в итоге одержит победу. Сквозь призму нейтралитета рассматривал БЗНС и развитие отношений с Санкт-Петербургом. Он симпатизировал России, но считал присоединение страны к Антанте столь же пагубным для судьбы Болгарии и реализации болгарской национальной идеи, как и ее вхождение в блок Центральных держав. По выражению партийного органа газеты «Земеделско знаме» (номер от 12 августа 1914 года), «насколько вредно слепое германофильство, настолько вредно и слепое русофильство» [Земеделско знаме].

Либеральные партии, сделавшие ставку на вовлечение Болгарии в войну под лозунгом реванша и под знаменами Тройственного союза, проповедовали иное отношение к России. Орган Народно-либеральной партии газета «Воля» писала 29 августа 1914 года: «Россия была и остается самым непримиримым врагом Болгарии, она не только способствовала разгрому наших политических идеалов, но и впредь будет мешать их осуществлению» [Воля]. Проводниками антироссийских настроений в болгарском обществе выступали не только правящая либеральная коалиция, но и созданная под покровительством царя Фердинанда Кобурга «Военная лига» во главе с выходцем из Македонии генералом М.Савовым.

«Сползание» Болгарии в войну под знаменами Тройственного союза прикрывалось лицемерной демагогией как монарха, так и главы правительства Радославова. Последний 1 августа 1914 года выступил в Народном собрании с декларацией об отношении своего кабинета к войне, в которой подчеркивалось: «Мы не являемся в данный момент чьими-то агентами и будем продолжать политику, отвечающую болгарским интересам»

[Цит. по: Болгария ... с. 57]. Однако это не помешало Фердинанду Кобургу сообщить 1 августа в личном письме австрийскому императору Францу-Иосифу: «Я счастлив, что высшие интересы моей страны совпадут с интересами Вашего Величества» [Там же].

Примечательно, что в столицах держав Тройственного союза и не сомневались в том, какой вектор примет политики Болгарии. Еще 4 июля 1914 года австрийский император Франц-Иосиф в письме своему германскому коллеге Вильгельму II обосновывал необходимость укрепления позиций правительства Радославова практически теми же словами, что спустя месяц использует болгарский премьер — а именно тем, что его «реальные интересы совпадают с нашими» [Цит. по: Болгария ... с. 84].

Слова и дела болгарской правящей верхушки не остались незамеченными в России. Российский посланник в Софии А.А.Савинский сообщал в Санкт-Петербург 14 сентября 1915 года, что слова Радославова о том, что «Болгарии придется преклониться перед немцами, если последние появятся на границе и будут требовать пропуска через болгарскую территорию», подтверждаются следующими фактами: «1) За счет немцев скуплены и скупаются огромные запасы шерсти, масла и других продуктов, которые складываются в магазины вдоль Дуная. Скупаются также в большом количестве баржи и другие перевозочные средства, причем торговцы, затрачивающие на это десятки миллионов, открыто говорят, что в конце сентября Дунай будет открыт для (пропуск в тексте, очевидно «переправки» — Авт.) этих запасов в Австрию. 2) «Балканский Банк» в Софии, работающий преимущественно на австро-германские капиталы, прекратил кредит в Болгарии. 3) «Кредитный Банк» в Болгарии дал инструкции своим отделениям по всей стране вынуть депозиты из банков держав Согласия. 4) Здешний германский военный агент, сын фон дер Гольца... заменен генералом Массау, бывшим начальником штаба 1-го корпуса, действовавшего в начале войны против нас. Массау был ранее военным агентом в Болгарии, хорошо знает местные условия и считается отличным офицером Генерального Штаба» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 32].

В секретной телеграмме от 15 сентября 1915 года Савинский в продолжение предыдущей телеграммы развил мысль об ориентации Болгарии. «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии, на что германской миссией тратятся колоссальные средства, является настоятельно необходимой, — писал дипломат. — Располагая ничтожной суммой в 40.000 франков..., нам удалось открыть три новые газеты, из коих две «Балканский сговор» и «Свободное мнение» пользуются громадной популярностью, так как в них принимают участие все лучшие силы страны... Помимо этого организовано бюро русских корреспондентов, которые под руководством и.о. вице-консула Богоявленского, ведающего вообще под моим наблюдением всем делом прессы, пишут анонимные статьи для всех болгарских газет, помещают там выдержки из русских газет и таким путем освещают события в желательном для нас смысле» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41].

Однако российские усилия — как дипломатические, так и финансовые — не смогли достичь своей цели. Трагические для Болгарии итоги второй Балканской войны объективно делали невозможным ее нахождение в одном лагере с Сербией.

Не сбавляла антироссийских оборотов и германская пропаганда. Ее среди тех слоев болгарского общества, которые не испытывали восторга от хозяйничанья в Болгарии германского капитала и превращения страны в экономический и военный придаток Берлина, взяли на себя две организации: Немецко-болгарское общество и Институт экономического общения с Болгарией — выражавшие интересы крупных германских монополий. И делали они это не без успеха. Все представленные в парламенте партии — за исключением «тесных» социалистов — послушно голосовали за выделение правительству Радославова военных кредитов. Тем более, национальная программа проантантовски настроенной оппозиции была столь же великоболгарской, как и у германофильских правящих кругов. Сам Радославов в интервью германской газете «Фоссише цайтунг» в конце сентября 1917 года оправдывал политику своего кабинета именно настроениями, господствовавшими в болгарском обществе. И он был вполне прав, утверждая: «Даже если бы сменилось правительство и на его место пришла оппозиция, которая ранее была настроена русофильски, то она все же не изменила бы эту политику, прежде всего не изменила бы союзу с Германией. Во имя национальных интересов она не могла бы сделать нечто подобное»... [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5].

Сегодняшняя ситуация на Балканах с точки зрения интересов России и перспектив развития ее взаимоотношений с народами и государствами региона поразительно напоминает происходившее столетие назад — с дефицитом международно-правовых норм и принципов, активным вмешательством великих держав, ростом этнического великодержавного (в первую очередь, албанского) национализма, нарастанием социально-экономических и финансовых противоречий. Только на смену тогдашним военно-политическим блокам — Антанте и Тройственному союзу — пришли гораздо более мощные западные геополитические институты в лице Европейского союза и НАТО, пытающиеся не допустить укрепления российских позиций в стратегически важном регионе. Для достижения этих целей они активно используют собственные каналы влияния на внутривнутриполитической сцене балканских стран — в первую очередь, Болгарии и Сербии. А основная борьба вновь разворачивается вокруг контроля над стратегическими транспортными коридорами, а также над трансбалканскими маршрутами транспортировки энергоресурсов.

Именно поэтому объективный анализ успехов и неудач, а главное — механизмов российской политики на Балканах конца XIX — начала XX веков — позволяет наметить основные направления действий России на Балканах сегодня. **Главным среди них представляется работа с максимально широким спектром внутривнутриполитических сил в балканских странах (в том числе оппозиционных) с тем, чтобы, во-первых, формировать собственную партийно-политическую опору, а во-вторых — быть в значительной степени застрахованным от поворотов в настроениях и ориентациях традиционно переменчивых балканских элит и правящих кругов.** Кроме того, важно содействовать формированию объединений балканских государств, прежде всего, экономического характера вокруг проектов, отвечающих интересам России. Это позволит Москве проводить более эффективную политику на более широком геополитическом пространстве и вместе с тем учитывать местные особенности, о которых

не без цинизма, но весьма метко писал еще в июне 1913 года российский поверенный в делах в Черногории Н.А.Обнорский. Он указывал, что российское правительство, безусловно, в целом может рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией. Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся и ведущим мировую политику отечеством и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными.

Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, формулированный в свое время одним из величайших исторических народов — римлянами — «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться» — П.И.) — по-видимому долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова...» [АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 23].

Литература

- Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 607.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 23.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 7.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 19.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 32.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41.
- АВПРИ. Фонд Политархив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5.
- Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М. 2003.
- В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М. 2003.
- Воля. 1914. 29 августа.
- Гешов И. Балканский союз: Воспоминания и документы. СПб. 1915.
- За балканскими фронтами первой мировой войны. М. 2002.
- Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер.3. М.-Л. 1935. Т.6. Ч.1.
- Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918. М. 1940.
- Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т.1. М.-Л. 1947.
- Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.1985.
- Рабочая правда. 1913. 14 июля.
- Сазонов С.Д. Воспоминания. М. 1991.

Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М. 1952.

Ђорђевић Д. Како су велике силе сазнале за склапање Балканског савеза 1912. // Исторически гласник. 1954. № 4. С.127–143.

Земеделско знаме. 1914. 12 авг.

Историјски записи. Титоград. 1959. Књига 16. Свеска 3–4.

Историја на македонскиот народ. II. Скопје. 1969.

Историја српског народа. Шеста књига. Први том..Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд.1983.

Први Балкански рат. Београд. 1959.

Рад Народне Скупштине сазване у редован сазив за 1908. годину Стенографске белешке. Књига I. Београд. 1909.

Neue Freie Presse. 1912, 3 Sept.

Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd. 1986.